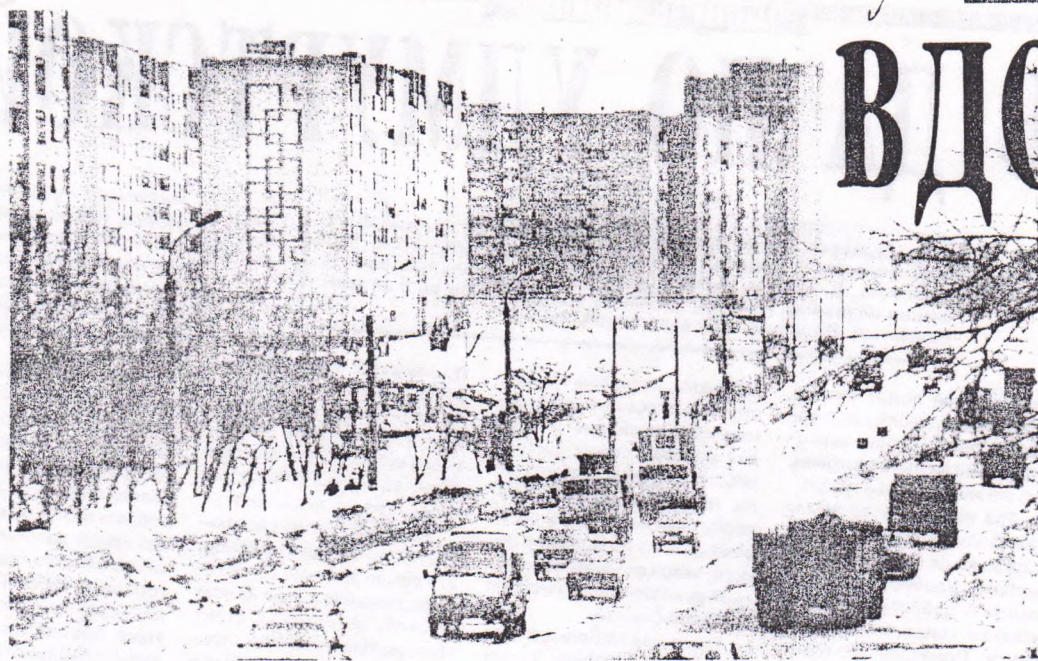


ВДОЛЬ Д



(Продолжение. Начало в № 16 за 7 марта.)

Сейчас это место тоже людное. Расширившаяся в несколько раз улица К.Либкнехта стала оживленной магистралью с троллейбусным движением. Здесь граница: заканчивается деревянный Южный жилой район Ижевска и начинается каменный Центральный. Теперь Удмуртская словно распахивается во всю свою ширь. Справа — нарядные жилые дома с пристроенными магазинами и автостоянкой, слева — кафе, школа, проектная контора.

Следующий примечательный перекресток — с улицей Ленина. Когда-то она называлась Труда, была вымощена деревянными торцевыми шашками, и вдоль домишек с покосившимися палисадниками ходил однопутный трамвай. На углу улицы Удмуртской тут стоял большой двухэтажный дом. В нем жил поп. Он был дядей моему другу и однокласснику Юрию Мезенцеву, жившему там же. Батюшка, метя расой землю, отправлялся пешком на службу в расположенную неподалеку церковь, а встретив племянника, запускал руки в складки одежды и выдавал ему иногда от своих щедрот денег. Так Юра накопил на фотоаппарат, которым мы делали свои первые в жизни снимки.

Дом этот потом снесли. На его месте построили пятиэтажную панельную «хрущобу», в которой жила тета моего другого друга. Иногда мы заходили к ней в гости. Она, венеролог по профессии, принимала тогда своих клиентов на кухне и там манипулировала шприцами. Освободившись, тета присоединялась к нам поболтать, наликала всем водочки, той, что обязаны были приносить клиенты для обработки своих продрыгивленных ягодиц.

Торцевую мостовую, по которой года через три было практически невозможно ездить (дерево разных пород гнило в разное время, и получались немислимые колдобины), при разборке растащили на дрова жильцы ближайших домов. Улицу замостили асфальтом. Сделали вторые трамвайные пути, и, прообразившаяся, она понравилась отцам города. К тому времени улица Ленина, находившаяся в старинном центре, захирела, и решили, что для вождя мирового пролетариата она несолидна. Поэтому Труда переименовали в Ленина, а Труда «сослали» на окраину, как ей и положено «по статусу», в Старый аэропорт.

Достопримечательными на этом перекрестке являются два строгих здания, расположенные наискосок друг от друга. Первое — Промышленно-экономический колледж. Раньше это было ПТУ Металлургического завода, готовившее

сталеваров и литейщиков. Теперь, с приходом рынка, специализацию расширили, и металл сплавляли с экономикой.

Второе, более строгое сооружение — Верховный суд республики. Возникшее на месте сквера, в стесненных условиях, оно тем не менее выглядит солидно. И если возле парадного входа машинам тесновато, то внутри здания — широкие холлы, удобные залы заседаний и кабинеты судей, комнаты технического персонала со сплошной компьютеризацией. Для доставки заключенных оборудованный въезд со двора. Одним словом, это единственное в Ижевске специальное здание для судопроизводства.

Ранее Верховный суд переезжал с места на место и часто проводил слушания громких дел, когда на открытых заседаниях собиралась масса людей, в самых непригодных местах. Пригрелся в этом же здании в хороших условиях и Первомайский районный суд. Об остальных этого не скажешь. Индустриальный и Устиновский суды ютятся в бывшем здании Удмуртгражданпроекта, совсем не по месту «прописки», и жителям этих районов приходится за поиском справедливости ездить через весь город. Помещение же Октябрьского районного суда напоминает мне троллейбус: так там всё тесно и скученно.

Впрочем, вернемся на улицу. Как длинный Нил пересекает всю Африку, перешагивая границы государств, так и Удмуртская пересекает Ижевск. А очередная граница — улица Советская. Тут кончается Первомайский административный район и начинается Индустриальный.

Это место с полным основанием можно назвать историческим, так много событий тут произошло. Вначале здесь было кладбище, огороженное невысоким забором. Застройка уже окружала его, и одинокие путники в сумерки с опаской пересекали большую заросшую чертополохом территорию по образовавшимся между могилами дорожкам, озираясь на покосившиеся памятники и замшелые плиты. Там же, в низине, была могила замученного предводителя ижевских большевиков Ивана Пастухова.

При кладбище находилась церковь, самая большая из немногих уцелевших в Ижевске после разгула воинствующего атеизма. Церковь служила местом паломничества в основном пожилых людей, но на большие престольные праздники, особенно на весеннюю Пасху, народу набиралось множество. Всем было интересно увидеть торжественный крестный ход с иконами, хоругвями и песнопением вокруг храма. Мы, ребята, облепляли церковные заборы. Порядок на улице Удмуртской, заполненной народом, контролировала конная милиция.

Из лекций, которые нам читали в техникуме, получалось, что за год в Советском Союзе закрывалось 140 храмов. Всего их было 14 тысяч. По прогнозам оптимистов-атеистов, через 100 лет должна была зак-

ряться последняя церковь. Этого добились целенаправленно и активно, поэтому у Троицкого собора колокола перестали оглашать перезонное округу, а остались только нарисованные на забитых проемах звонницы. Какими наивными были все эти прогнозы!

Как комсомольцу, мне посещать церковь было нельзя — вылетит из учебного заведения. Но приходилось рисковать. Окопавшись в Ижевске, наша семья имела многочисленные корни в районах, особенно в Воткинском, откуда родом, из деревень Хорохоры и Болгуры, были мои отец и мать. Так вот, сельские родственники не хотели, чтобы их плещащиеся чада росли «нехристями», и везли их крестить в город. А в церкви требовали комплект — чтобы были крестные отец и мать. После долгих уговоров мы с моей старшей сестрой согласились и, пропустив занятия, тайком ходили в храм, где носили помазанных и посиневших от крика младенцев на руках вокруг купели. Счастливые родители одаривали нас иногда трешкой. Я как крестный отец должен был затем шествовать над крестниками, дарить им на именины рубахи. Пару раз, случалось, я одаривал косоворотками особо запомнившихся подопечных, если по случаю оказывался в их деревнях. Остальные же просто затерялись, как многочисленные «дети лейтенанта Шмидта» в «Золотом теленке».

Когда государство дало послабление церкви, она начала срочно строиться, благо, деньги на это, видимо, были. Наняли архитекторов, прорабов, каменщиков (слышал, что некоторым из них потом была партийная взбучка за отсутствие идеологической принципиальности). Преобразился Троицкий собор, засверкал

красками. Перестроили и нарастили купола, возвели двухэтажные хозяйственные корпуса во дворе. Соорудили отдельные помещения для крещения и отпевания. А дабы отгородиться от появляющихся по соседству «светских» сооружений, возвели вокруг храма высокий кирпичный забор, сделал его легким, ажурным лишь с главного фасада — улицы Удмуртской.

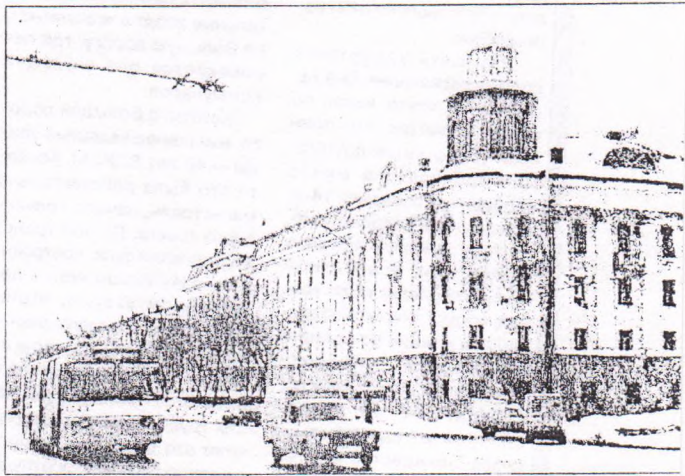
Что касается «светских» соседей. Кладбище в центре Ижевска решено было ликвидировать и на его месте — умные, видать, головы думали — сделать спортивный комплекс (чтоб играть на костях предков? Кстати, по подсчетам ученых, патогенная опасность после последнего захоронения сохраняется еще 20 лет). Начали со стадиона. Выиграл проект с «заглубленным» вариантом — чтобы меньше средств тратить на строительство трибун. Пригнали экскаваторы, самосвалы, и началось великое «переселение душ». Не берусь судить, кто чем поживился, но, говорят, экскаваторщики и шофера частенько прерывали свою работу, когда в перелопачиваемых останках свиредело что-нибудь металлическое. По крайней мере, когда копали узкие траншеи для коммуникаций, то было видно, как гробы перепиливались пополам.

Герою-большевику Пастухову поставили памятник сначала в самом центре Ижевска, на перекрестке улиц Советской и Горького, но так как он, держа свою винтовку, недвусмысленно показывал на тогдашний Дом правительства, его переставили на тихую улицу Коммунаров.

Так или иначе, благодаря Ижмашу и городу, возникла огромная чаша красавца стадиона «Зенит». Самого большого в Удмуртии, вмещающего враз более тридцати тысяч зрителей.

«О спорт — ты мир», — сказал основатель олимпийского движения Пьер де Кубертен. И спорт заволаживал нас. Стадион ревел, когда приезжали сражаться с зенитовцами футболисты тбилисского «Динамо», ереванского «Арабата», московского «Торпедо», ленинградского «Зенита», болгарские «Братушки». Были у нас и свои кумиры: длинноногий центрфорвард Спиридонов (по прозвищу Швейк), маленький, шустрый, как веник, крайний нападающий Вьютов (Балерина), угловатый, надежный, как скала, центральный защитник Петухов (Петух). И наши парни держали ижевскую марку. Многие из них играли и сейчас играют в клубах высшей лиги, выступали за сборную команду страны.

Фанатизм болельщика — неуправляем. Помню, когда наш «Зенит» играл в Свердловске с «Уралмашем» и я, единственный на стадионе, орал за ижевчан,



ПО УДМУРТСКОЙ

свердловские болельщики взяли меня под «белы ручки» и выпнули со стадиона.

Зимой на «Зените» властвовали мотогонки на льду, по-современному — спидвей. Рев моторов, бешеные скорости, виражи. Имена любимцев Балобанова, Грайфа, десятикратного чемпиона страны Чирцева, чемпионы Европы и мира братьев Яковлевых сводили с ума. Да и где еще было оттянуться мужику зимой, пока нет надоевшего садоогорода, на полном основании получив вольничательную от жены. Поэтому ходили компаниями, отоваривались «для сугреву» горячительным, громко переживали за своих и расходились удовлетворенными. Пустые бутылки тут же подхватывали шустрые бабки и подростки, делавшие свой бизнес.

Иногда на «Зените» устраивали массовые городские праздники и всевозможные шоу — с аттракционами, выступлениями гимнастов и мотоциклистов, автордео, прыжками с парашютами, участием российских эстрадных суперзвезд и обязательным фейерверком. Рев трибун со стадиона ударялся о высокий каменный забор церкви и утихал. Потом рядом с храмом построили Дворец спорта, но там основным атрибутом был плавательный бассейн, а пловцы — люди тихие, спокойные.

Время диктует моду. Ельцинское окружение культивировало теннис. В Брежневские же времена котирировался канадский хоккей, названный так в отличие от русского хоккея с мячом. В свое время я был делегирован от редакции газеты «Комсомолец Удмуртии» в Москву на семинар спортивных журналистов. Нам, делегатам, выделили билеты на «матч века». Встречались сильнейшие в то время команды планеты — сборные Канады и СССР. Ледовый Дворец в Лужниках был, естественно, переполнен. В правитель-

ственной ложе, которая находилась напротив нашего сектора, присутствовал весь «комплект»: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (тогда считал Президент) Н. В. Подгорный, премьер-министр А. Н. Косыгин.

Игра была жестокая, драться канадцы умели. Но, когда после очередной потасовки наш статидцатиклограммовый защитник Александр Рагулин оказался наверху, Леонид Ильич довольно улыбался. Нам же наслаждаться хоккеем мешали личности в неприметных пиджаках, вероятно из спецслужб, которые, стоя спиной к ледовой арене, постоянно мелькали перед глазами и неотрывно смотрели в нашу сторону: не дай бог, кто из зрителей рывком полезет за пазуху или в карман.

Пристрастие руководства страны сразу стало известно, и обкомовцы на местах кинулись подражать. Наличие хорошей хоккейной команды являлось престижем области, республики или ведомства. Вслед за Глазовым решили срочно построить Ледовый дворец в столице республики Ижевске. Тем временем наши хоккеисты набирались опыта на открытых дворовых площадках, поднимаясь вверх через отборочные турниры среди мелких городов — Воркуты, Кирово-Чепецка. Помогала и комсомольская «Золотая шайба», привлекавшая в хоккей сотни ребятшек, впоследствии выросших в классных игроков. Ледовый дворец «Ижсталь» строили всем миром, и тоже рядом с церковью.

Огромный стеклянный аквариум удался на славу и сразу украсил Удмуртскую улицу. Теперь на повестке дня была высшая лига. А там без знаменитого тренера нечего делать. Испробовав несколько вариантов, решили остановиться на Роберте Черенкове — да, том самом, что еще два года назад сидел в тюрьме по обвинению в убийстве своего конкурента в борьбе за главный хоккейный трон России. Но в 1980 году Черенков был в фаворе. Когда его пригласили в дирекцию Ижстали и спросили о цене его тренерских услуг, он назвал такую сумму, что у заводчан волосы встали дыбом.

— Послушайте, мы, руководители многолетнего коллектива, сами столько не получаем, — удивились они.

— Это ваши проблемы, — сказал тренер и пошел к двери. Его вернули.

И «Ижсталь» ворвалась в высшую лигу и прочно обосновалась там. Билеты на матчи достать было невероятно сложно. Мы, заядлые болельщики, по блату покупали абонементы сразу на целый сезон. В переполненном дворце во время игр яблоку негде было упасть. На правительственной трибуне обязательно присутствовали первые лица Удмуртии и Ижевска: В. Марисов, М. Зыков, Л. Булгаков, Ю. Кудряшев, директора заводов и трестов и все, кто сумел подмазаться к элите.

Не знаю, как настроивал на игру своих бойцов тренер «Ижстали», но битва за очки в высшей лиге была жестокая. Сидя в первом ряду, можно было ви-

деть свирепые лица ребят, слышать, как трещат при столкновениях их доспехи, борта коробки, а может быть, и кости. После одной такой «сшибки», когда наш мужественный нападающий Юрий Савцилло не стал уступать, а его соперника это закончилось печальным исходом. Но расследование решило, что погибший был сам виноват — не настроился как следует на игру и не сгруппировался перед ударом.

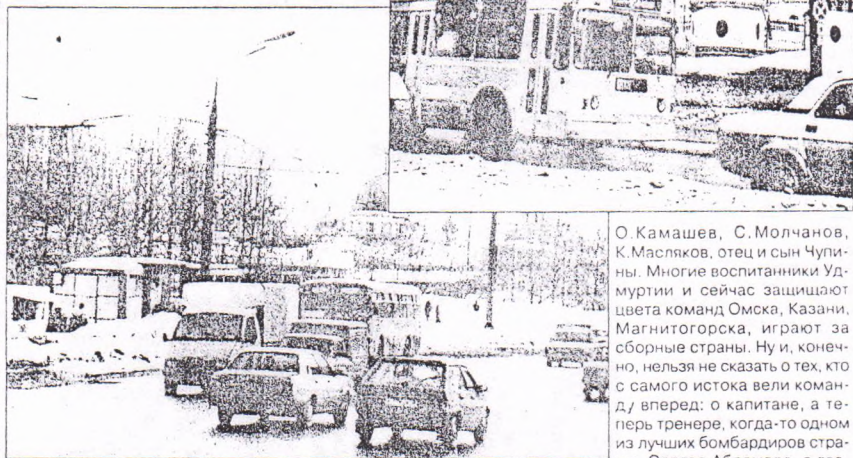
Поговаривали, что Черенков перед игрой заставлял ребят смотреть по видео жестокие боёвки, чтобы придать бойцам «озверину», а после игры — сексуальные фильмы для расслабления. Тех же, кто «сачковал», когда все билось насмерть, после игры якобы избивали, чтобы неповадно было.

«Ижсталь» крушила киевский «Сокол», рижское «Динамо», СКА Ленинграда, горьковское «Торпедо», московские «Крылья советов». Побеждала в Кубке шахтеров в

Польше, в Полярном кубке в Швеции, обыгрывала сборные команды Румынии, Болгарии.

Я помню, когда наши сыграли вничью 5:5 с ЦСКА и забили пять шайб самому Вячеславу Третьяку, слава о котором гремела от Канады до Японии, мне сделалось плохо с сердцем прямо на матче. Потом, правда, мне один спортивный комментатор сказал по секрету, что за ту игру всем армейцам подарили по сувениру — ижевскому спортивному ружью. И я перестал быть истым болельщиком. Теперь так, больше по телевизору.

А какие классные ребята выросли у нас! Тройка — братья Игорь и Александр Орловы и Мисхат Фархутдинов — наводила ужас на соперников. Защитника Сергея Лубнина не зря потом переманили в Киев и сделали капитаном команды. Великолепными хоккеистами стали местные парни К. Астраханцев,



О. Камашев, С. Молчанов, К. Масляков, отец и сын Чупины. Многие воспитанники Удмуртии и сейчас защищают цвета команд Омска, Казани, Магнитогорска, играют за сборные страны. Ну и, конечно, нельзя не сказать о тех, кто с самого истока вели команду вперед: о капитане, а теперь тренере, когда-то одном из лучших бомбардиров страны, Сергее Абрамове, о втором ветеране, защитнике-волнорезе Сергее Тыжных.

Сейчас Дворец, отреставрированный, снова скомплектовали команду, и она копотируется во втором эшелоне. Вот только с финансами туговато, а без них хороших игроков не удержать.

Ижмаш же свой стадион «Зенит» не потянул и передал его более богатому спонсору — «Газовику-Газпрому». Впрочем, спортивные успехи этой команды тоже не очень. А может, всё дело в потусторонних силах? Объединила же в этом месте улица Удмуртская рядом, на бывшем погосте, страсти и покой, бурную жизнь и забвение памяти...

(Окончание следует.)

Анатолий ГУСЕВ.